

С раннего детства мне всегда казалось, что Л. В. Канторович был гением в науке, хотя что это такое, я в силу возраста, может быть, не очень-то понимал. Мои встречи с дядей Леной в основном относились к детскому и юношескому возрасту, но то, что он был человеком необычным, вызывавшим у меня неподдельный интерес, то, что я испытывал какую-то тягу к общению с ним, что мне было интересно с ним, что каждая встреча с ним оставляла какой-то след в моем сознании и оказала на меня какое-то влияние — это однозначно.

К сожалению, этих встреч было не так много. В основном они относились к тому времени, когда происходило становление моего собственного сознания, когда я был еще ребенком или юношей. И поэтому то, что я могу рассказать сейчас, нужно воспринимать с точки зрения ощущений того мальчика, подростка, юноши, каким я был тогда, когда с ним часто общался. Конечно, мои детские ощущения определялись не только непосредственными встречами с ним, но и рассказами о нем моих родителей и тех, кто бывал в нашем доме, с кем мы общались и кто, конечно, знал Леонида Витальевича. И мое общение с ним проходило под этим знаковым влиянием, что это “вундеркинд”, это выдающийся ученый, человек необычайных способностей. Некоторые рассказы об этих способностях поражали мое воображение и заставляли меня относиться к нему, как к какому-то чуду. Отец мне, например, рассказывал, что дядя Леня, будучи совсем маленьким, примерно того же возраста, каким был я тогда, то есть лет восьми, мог пролистать учебник геометрии и практически сразу запомнить все теоремы и их доказательства, что для меня, не обладавшего никакими способностями к математике, казалось совершенно фантастическим. Слышал я в детстве и историю о том, что, когда мой папа поступал в Первый медицинский институт, у него были нелады с химией, и он брал с собой маленького брата под предлогом, что его не с кем оставить, и тот ему на экзамене подсказывал решения задач.

Первые воспоминания о более-менее длительном общении с дядей Леной относятся к зиме 1940–1941 года. Только что закончилась советско-финская война, и я оказался с дядей Леной и его женой (он только что женился), Наталией Владимировной, на зимней даче университета в Териоки. Этот поселок был совсем недавно захвачен советскими войсками — сейчас это всем известный Зеленогорск. Мы там отдыхали, и то, что дядя Леня взял меня, маленького, с собой, говорит о внимании, с которым он в ту пору относился ко мне и к нашей семье. Видимо, это было вызвано еще и тем, что в 1936 году мои родители развелись и у моего отца, Николая Витальевича, появилась другая семья, потом родились две дочери, и хотя папа никогда меня не оставлял, мы продолжали общаться, и я сохранил о нем самые теплые воспоминания, тем не менее в ту пору, маленьким, я все это очень переживал. Скорее всего, этот шаг дяди Лени был продиктован его участием во мне. В ту зиму он учил меня кататься на финских санях — они мне очень запомнились своими необычно длинными полозьями — и я получил тогда очень много удовольствия. Жили мы в какой-то очень большой комнате, видимо, все вместе. Я очень хорошо помню молодого Леонида Витальевича и его жену. Может быть, первенец Леонида Витальевича, Виталий, уже был в проекте — этот ребенок вскоре, во время эвакуации, умер. Когда мы вернулись из Териоки в Ленинград, как-то вечером в нашем доме на Большой Пушкарской вдруг появился дядя Леня и притащил эти самые финские сани. Их благополучно поставили в коридоре в нашей коммунальной квартире, где они, наверное, и закончили свое существование. Больше я на них никогда не катался — было негде, а потом началась война. Но эпизод этот я запомнил, это было трогательно, и я это понимал.

В ту же пору, будучи учеником, кажется, третьего класса и не справляясь с какими-то заданиями, я часто звонил ему по телефону и просил помочь мне решить ту или иную задачу. Всю нелепость и комичность этой ситуации я, конечно, понял значительно позднее. Но тогда мне было очень приятно, что дядя Леня охотно объяснял и подсказывал решения. Я тогда по-детски удивлялся, как легко и быстро он решает эти задачи.

Повторяю, он был внимателен и добр, никак не давая мне, ребенку, понять, что, в общем, задачки пустыковые, а я отвлекаю его от работы.

Началась война. Наше общение надолго прервалось. Доходили тем не менее разные слухи и истории о Леониде Витальевиче, они, конечно, запоминались, поражали мое воображение и создавали добавочный ореол какой-то необычности вокруг Леонида Витальевича. Со смехом, в частности, рассказывалась история о том, как будучи призванным на военную службу в начале войны в чине почему-то рядового краснофлотца, дядя Леня, профессор Канторович, приходя читать лекцию в свое высшее военное училище, должен был перед ее началом испрашивать разрешения: “Рядовой Канторович прибыл для чтения лекции по высшей математике. Разрешите приступить”. Следовало: “Приступайте”.

Война закончилась, семья Леонида Витальевича снова оказалась в Ленинграде, и я нередко заходил к нему, а особенно часто — когда приезжал мой отец. Во время войны он с новой семьей эвакуировался во Фрунзе (теперь Бишкек), и они остались жить там. Один или с отцом я приходил в дом на углу Введенской улицы и Большого проспекта Петроградской стороны. В этом доме, кстати, принадлежавшем когда-то моему деду, в квартире на последнем этаже и жила тогда семья Леонида Витальевича.

Я поступил в университет, на восточный факультет — отделение истории Востока. Это решение обсуждалось мною с дядей Леней — он был профессором университета и, надо сказать, достаточно внимательно следил за мной, за моими успехами. Практически уже с первого курса мне стало понятно, что ничего хорошего мне в университете, в перспективе, мягко говоря, не светит: начиналась борьба с “безродными космополитами”. Еще до этого мне папа говорил, что для того, чтобы чего-то добиться в этой стране, мне, еврею, необходимо учиться не просто на “отлично”, а на десять “отлично”. И только тогда что-то еще может получиться. Но у меня не было ни блестящих способностей, нужных для этого, ни необходимой усидчивости, а самое главное — сильного желания чего-то делать. Дух определенного недовольства существовавшей системой, тогда еще, правда, не советской властью в целом, во мне уже был, хотя, конечно, из осторожности — я это тоже усвоил с детства — никогда не демонстрировался.

Так, как мне советовали, я не учился, а был в меру легкомысленным молодым человеком, не чуждался доступных молодежи развлечений, был, может быть, несколько неосторожным, например, носил шляпу. По тем временам это было верхом вольнодумства, и я был наказан — появилась карикатура в университетской стенгазете: я в шляпе и почему-то с тросточкой в руке шагаю по карьерной лестнице вверх. Этим как бы подчеркивалась нелепость моего желания сделать карьеру. Своей шляпой я никак не хотел бросать вызов общественности, а желания делать карьеру у меня не было, во всяком случае, я его не проявлял. Случившееся стало известно дяде Лене, он был этим очень огорчен, понимая, что могло последовать за этим в те страшные годы; разговаривая со мной, он пытался понять, в чем тут дело и что за этим стоит.

В 1952 году я заканчивал университет, и по совокупности вышеупомянутых причин единственной для меня перспективой было поехать школьным учителем в какую-нибудь дальнюю глухую деревню. Распределение в ту пору было обязательным, и хотя в принципе право отказаться от распределения было, но это могло закончиться очень печально: отказ от него грозил суровыми карами, обвинениями в отсутствии патриотизма, в нежелании отдать долг советскому государству со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому советуясь, опять же, с дядей Леней, я попросил его только об одном, реально понимая, что и его возможности тоже невелики: чтобы каким-то образом мне устроили свободное распределение, и тогда я имел бы возможность сам устроиться на работу по своему выбору. Свободное распределение тогда давалось в исключительных случаях и лишь единицам, и, конечно, мне бы его не предоставили. Дядя Леня сказал, что он попробует поговорить с одним человеком, который очень ему обязан за помощь в написании диссертации. В свое время этот человек учился где-то на математическом

факультете, потом работал в системе концлагерей и занимал какой-то пост в МГБ, как тогда это называлось, а потом этой организацией был направлен в университет заведовать аспирантурой.

И это сработало. Зав. аспирантурой вызвал меня к себе, и в его кабинете в главном здании университета состоялся его разговор со мной, итогом которого стали его слова о том, что он постарается все устроить и что с таким дядей, как Леонид Витальевич, я не пропаду. При этом он рассказал, что когда он обратился к Леониду Витальевичу по поводу своей диссертации — а она ему была “необходима по должности” — тот “с ходу”, меньше чем за полчаса, рассказал ему почти готовую работу. Вид зав. аспирантурой, конечно, больше соответствовал его предыдущей работе и никаких симпатий у меня не вызвал, но этот человек действительно помог. А сделал он следующее: с помощью своих приятелей из “большого дома” он направил на факультет заявку на меня из Главного управления МГБ по Ленинграду — командировать меня в распоряжение “большого дома” для работы (видимо, как историка) в архив МГБ (это меня-то, еврея, в “органы”, да еще в пятьдесят втором году!). В “Большом доме” мне сказали, что все это игра, и, взяв направление на работу из университета, я должен буду от нее отказаться как от не подходящей для меня, а они на это согласятся. И тогда, поскольку университет меня направил на работу — распределение я получил, а не состоялось оно по взаимному согласию, то я оказался бы — смешно сказать! — благодаря МГБ, свободным и смог устраиваться на работу сам. Все это сработало и именно так и получилось. Когда я позднее получал в университете справку о свободном распределении, человек, выдававший мне ее, не смог удержаться и не пробурчать что-то, типа “устраиваются же некоторые, используют обходные пути, не исполняют гражданского долга”. Я промолчал.

Этот эпизод убедил меня в том, что дядя Леня, который с детства в моем сознании всегда находился на Олимпе и был очень далек от практической жизни, умел трезво смотреть на вещи, ладить с разными людьми, далеко не всегда симпатичными, и при этом был внимательным, чутким человеком, стремящимся и умеющим помочь в трудную минуту.

Последний период нашего довольно тесного общения относится к 1955 году, когда мы — мой отец, семья дяди Лени и я — вместе отдыхали в Майори под Ригой. Мы с отцом, Наталией Владимировной и Владиком отправились туда из Ленинграда на их недавно купленной “Победе”. Управляла автомобилем Наталия Владимировна, иногда ее сменил мой отец. Позднее приехал дядя Леня, а затем и его приемная дочь Ира, вернувшаяся из альпинистского лагеря. Мы жили по соседству и ежедневно встречались. Я там играл с Ирой в теннис, дядя Леня вместе с семьей часто приходил смотреть, мы о многом разговаривали. Помню, мы играли в шахматы с тогда еще маленьким Владиком, ему было лет 12. Иногда дядя Леня давал нам сеанс одновременной игры на двух досках, причем вслепую — он играл без доски, по памяти и выигрывал. Меня это поражало.

Ира, учившаяся тогда на математическом факультете, кажется, готовила диплом по теории игр и по идее дяди Лени разрабатывала стратегию игры в “очко”, в двадцать одно. Она пытались претворить ее в жизнь, садились играть в карты, но теория дяди Лени ей не помогала, она все время проигрывала, а я выигрывал.

Позднее, когда дядя Леня переехал из Ленинграда в Новосибирск, иногда мы встречались и в Ленинграде и в Москве, чаще в связи с приездами отца. Мы разговаривали, у него время от времени появлялись какие-то планы относительно меня. Например, он пытался уговорить меня заняться экономикой, а как-то он предложил мне попытаться быть приемником мысленных сообщений, передаваемых им из Новосибирска.

Текст приводится по книге: Текст приводится по книге: «Леонид Витальевич Канторович: человек и учёный». В 2 т. / Редакторы-составители В.Л. Канторович, С.С. Кутателадзе, Я.И. Фет.-Новосибирск: Издательство СО РАН, Филиал «Гео», 2002.- Т.1.